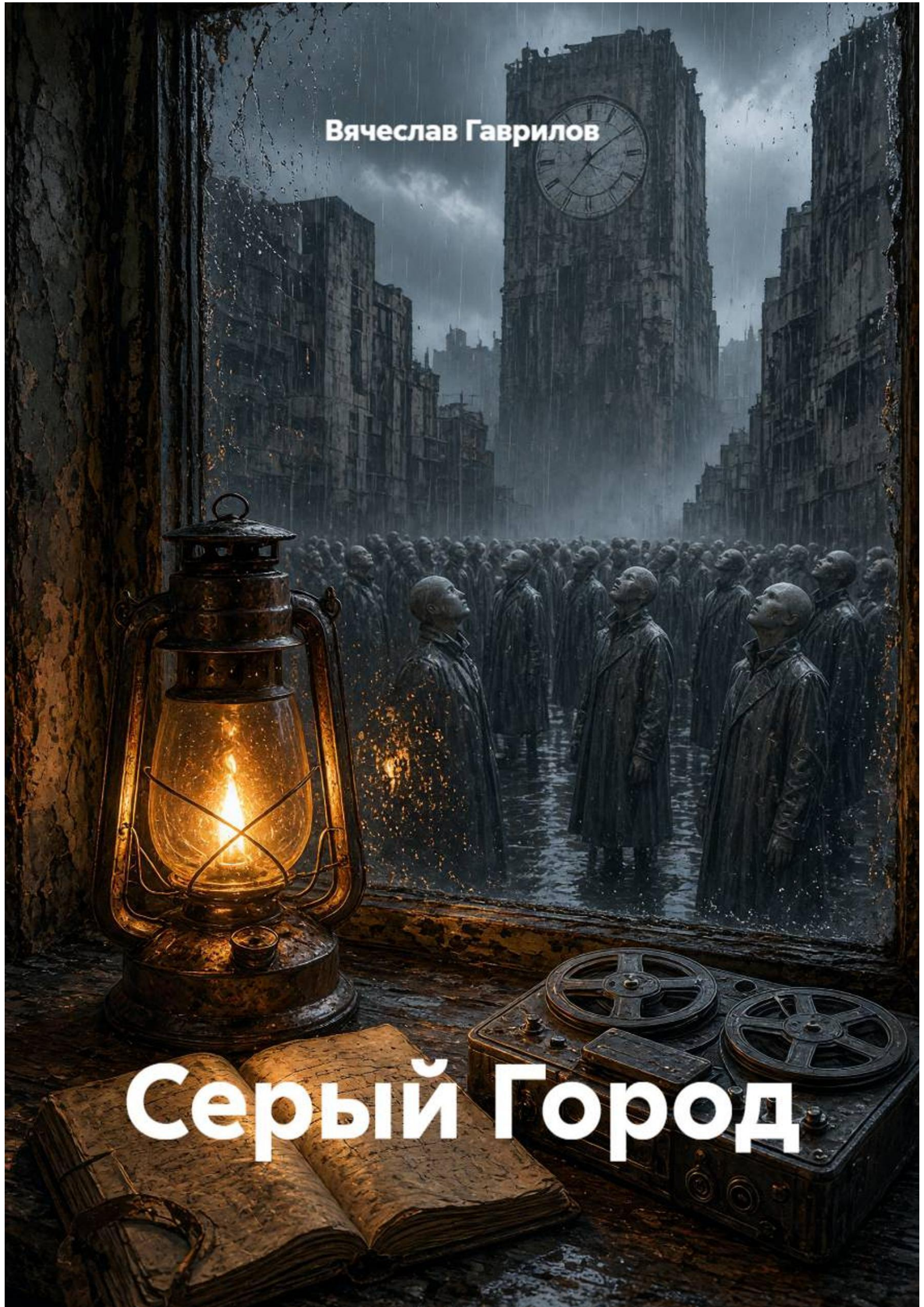

Вячеслав Гаврилов
Серый Город

Вячеслав Гаврилов

Серый Город

«Автор»
2026

Гаврилов В.

Серый Город / В. Гаврилов — «Автор», 2026

В городе без имён идёт дождь, который не кончается, а толпы в масках-хамелеонах ходят без эха. Ночью старый диктофон произносит имя героя — с лишней согласной, которой в нём никогда не было. В дневнике, написанном его собственным почерком ещё не высохшими чернилами, — предупреждение: «Не гаси фонарь. И не смотри на улицу». Но фонарь хочет быть увиденным, а по мокрому асфальту уже идёт существо с циферблатами вместо глаз. У бегства есть один выход — и он ведёт в будущее, где герой оставил предупреждения сам себе.

© Гаврилов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Вячеслав Гаврилов
Серый Город

Глава 1

Дождь начинался не с неба — он начинался изнутри стен.

Он не стучал, а тёрся о стекло, как мокрый палец по краю стакана, и от этого звука комната казалась уже, чем была. Стены облезли до серой извести; в углах она вспухла пузырями, и в каждом пузыре, если смотреть долго, проступало что-то вроде лица, которое ещё не решило, чьё оно. Я лежал на спине, не зажигая верхний свет — верхний свет в этом доме давно научился врать — и слушал, как вода находит дорогу в трещинах штукатурки.

На ящике у изголовья горел фонарь. Медный, помятый, с тёплым язычком пламени, дрожавшим при каждом моём вдохе. Это было запрещено — я знал. В этом городе свет полагалось держать холодным, ровным, без запаха. Мой пах керосином, пылью и чужим воском. Иногда мне казалось, что он греет не комнату, а само пространство, выгибая его вокруг себя, как тёплую линзу.

Я сел. Пол под босыми ногами был липким от сырости, и холод тут же пробрался между лопаток — не от окна, а от тонкой стены за спиной. За ней давно никто не жил, но по ночам она дышала: штукатурка вздыхала, как человек, который притворяется спящим.

Я подошёл к окну и не стал касаться стекла. Внизу по мокрому асфальту шла толпа. Серые плащи, серые зонты, маски, сшитые так, чтобы сливаться с мокрым бетоном: щека — в тон стене, рот — в тон луже. Эмоций на них не было. Страха тоже. Только шаг, и ещё шаг, без эха, будто подошвы касались не асфальта, а ваты. Чуть дальше, на перекрёстке, башенные часы стояли на без четверти что-то. Стрелки не дрожали. Дождь стекал по циферблату и не оставлял времени.

А потом в комнате стало тихо. Не обычной тишиной — ватной. Замолк дождь в трубах. Замолк низкий гул проводов, который город носит в костях, как второе сердце. Во рту появился медный привкус, будто я прикусил оголённый провод.

Звук пришёл из-под кровати, где в картонной коробке среди старых дневников лежал катушечный диктофон. Я помнил его мёртвым — сам вытащил батарейки несколько недель назад.

Теперь его катушка медленно повернулась на пол-оборота. Сначала из динамика донёсся сухой скрежет, будто ноготь изнутри стекла искал шов и не находил. Следом — тиканье, неправильное, сбитое, словно у кого-то в груди вместо лёгких ходили шестерни. А под этим — влажный выдох с запахом машинного масла и озона.

На грани слышимости кто-то произнёс моё имя. В нём было слишком много согласных — слишком много «х» в конце, которых там никогда не было. И шло оно не из динамика, а из-за стены.

Штукатурка за моей спиной пошла тонкими волосяными трещинами, складываясь в рисунок, похожий на циферблат без стрелок. Снаружи толпа замерла. Все, как один, остановились. Фонарь на ящике мигнул, и в тёмном стекле окна, поверх застывших серых масок, на миг отразилось не моё лицо.

А из диктофона тихо, словно губы прижались к уху с той стороны стены, выдохнуло:

— …ты слышишь нас, да?

* * *

Я не ответил. Не потому, что решил молчать, — просто гортань застыла, как проволока на морозе, а язык прилип к нёбу с медным привкусом. Слово с лишней согласной ещё висело в воздухе между динамиком и стеной, и пока оно висело, я не мог сделать вдох.

Я опустился на колени у кровати. Пол был липким и ледяным от сырости, проступившей сквозь половицы. Под кроватью стояла размокшая картонная коробка, а в ней, рядом с прибором, лежал дневник. Его кожаная обложка оказалась тёплой только с одной стороны — той, что обращалась к фонарю, будто её только что держали чужие руки и не успели остыть.

Я открыл дневник на последней исписанной странице. Сухой шелест бумаги прозвучал в тишине слишком громко. На листе блестели строки моего собственного почерка — знакомый наклон, недописанные хвосты букв, торопливый срыв строки, с каким пишут в панике, не отрывая пера. Чернила ещё не высохли. Я провёл по строке большим пальцем, почувствовал влагу, и от страницы поднялся тонкий электрический запах озона.

«Не гаси фонарь. Ни при каких условиях. Даже если станет жарко. Даже если свет покажется тебе живым и попросит темноты».

Холод между лопаток стал плотнее, словно туда прижали ледяную ладонь. Ниже, с сильным нажимом, от которого рвалась бумага, шло продолжение:

«И не смотри вниз, на улицу. Даже если толпа остановится. Особенно если остановится».

Я успел подумать, что предупреждения в дневниках всегда читают на полсекунды позже, чем нужно. А потом окно само подставило мне улицу.

Толпа не просто остановилась — вода в лужах вокруг серых фигур перестала расходиться кругами. Десятки голов под масками-хамелеонами были запрокинуты вверх — все сразу, синхронно, в одну и ту же точку. Они смотрели не на окно, а на тёплый отблеск моего запретного фонаря, лежавший на их лицах неподвижным жёлтым пятном. Дождь стекал по ним и не оставлял следа.

Ватная тишина сомкнулась так плотно, что я слышал собственные веки. А потом из-за угла, со стороны остановленных часов, её разорвало.

Сначала пришёл выдох — тяжёлый, паровой, с шипением, какое бывает, когда раскалённый металл встречается с водой. Следом — тиканье. Крупное, сбитое, с паузами не на удар сердца, а на шаг. Тик. Шаг. Тик-так. Что-то огромное двигалось по мокрому асфальту, и улица больше не глотала звук — она отдавала его вверх, в моё стекло, в тонкую стену, в ещё не высохшие чернила.

Фонарь дрогнул. Пламя пригнулось, как от чужого дыхания, хотя рама была закрыта наглухо. В тёмном стекле, поверх запрокинутых масок, проступило тёмное пятно, растущее из-за угла — выше уличных фонарей, выше второго этажа. В нём медленно повернулись два тусклых круга, похожих на циферблаты без стрелок.

Тик.

Лента в приборе у моих ног сама сдвинулась ещё на одну бороздку. И динамик выдохнул моим собственным голосом то самое слово с лишней согласной, которое я так и не решился произнести.

* * *

Я дёрнул штору так, что крючки взвизгнули по карнизу. Ткань легла на стекло неровно, и в щели всё равно остался тонкий жёлтый разрез, как след от ногтя. Снаружи тиканье не сбилось. Оно сделалось точнее, будто то, что стояло за окном, наконец нашло, что отсчитывать. Толпа не разошлась. Я чувствовал её спиной сквозь материю — не взгляды, а само отсутствие взглядов, собравшееся на той стороне стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.